

Василий Иванович Немирович-Данченко

В ущелье

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,



«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
В ущелье**

Солнце давно зашло. В ущелье было темно. Под кустами, осыпанными ароматным весенним цветом, уже проснулись светляки. Далеко-далеко выли шакалы... У самого пути в густых зарослях подымалось загадочное шуршание, и слышалось недовольное хрипение кабанов, потревоженных в их вечернем покое. Мулла давно вернулся с будуном и муталлимами, и боевая партия джигитов молча уже свершала путь... Слышался по дороге только стук копыт о кремнистую почву. И ни слова, ни шуточки не звучало среди молодых лезгин. Газават — святое дело, — и кроме религиозных гимнов, обрѣкшим себя этому подвигу неприличны ни разговоры, ни смех. Оружие было пригнано так, что, ступай кони по мягкой земле, враг в пяти шагах не различил бы приближения горцев. Ружья лежали в бурочных чехлах, кинжалы не стучали о пистолеты, пистолеты не сталкивались с шашками, шашки висели — не встречаясь с стремянами, обувь у всех была мягкая, кованных каблучков ни у кого, так что и стремяна не звучали под ногами всадников. Смерть таилась в зловещей тишине. «Подступай к врагу, как

лисица, и нападай на него, как раненый кабан», — говорит горская пословица. Так они и делали. Шамилю не пришлось ничего нового выдумать в тактике горной войны. Он только собрал в одно стройное целое все боевые привычки лезгин, чеченцев и кабардинских племён, создав, таким образом, несравненный военный кодекс кавказских гверильясов, восемьдесят лет в своих горных узлах смеявшихся над испытанными русскими войсками. «Умри, когда враг тебя ждёт, и воскресни, когда он устанет и успокоится», — говорили лезгины. Чеченцы прибавляли к этому: «Обмани, и только если нельзя этого, — бей врага лоб, в лоб!» Кабардинцы ещё метче выражали свою тактику: «Огорчи последнее мгновение умирающего неприятеля сознанием того, что он, как ребёнок, был обманут тобою».

Избранный вождём кабардинский князь, нахмуясь, ехал впереди, и за ним Джансеид вёз значок партии: треугольный зелёный лоскут на древке, оканчивавшемся посеребрённою рукою. Долго джигиты молча подвигались вперёд. То и дело, через ущелье из поперечных таких же с грохотом и рёвом проноси-

лись бесчисленные Койсу — весенние реки. Они казались облаками белой пены, бесившейся в камнях, перегородивших их неудержимое стремление вниз, в долину. В этой пене пропадали джигиты, но привычные горские кони ни разу не споткнулись на мокрых камнях, шум потока не мог оглушить их, неукротимая быстрота его движения не кружила им головы. Насквозь вымокшие, но не потерявшиеся всадники и лошади, одолевшие поток, взбирались на отвесы, бодро вскачь выносились на их гребни, чтобы тотчас же спуститься в неистовую кипень такого же Койсу и пропасть в нём на несколько мгновений. Молодой месяц в эту ночь светил уже больше чем вчера, и туману, укутывавшему горы, придавал голубые оттенки. Вдали, в глубине боковых ущелий, часто мигали огоньки. Всякий раз, проезжая мима них, кабардинский князь начинал гимн газавата, подхватывавшийся всеми его всадниками.

*«Слуги вечного Аллаха!
К вам молитву мы возносим,
В деле ратном счастья просим,
Пусть душа не знает страха,*

*Руки — слабости позорной,
Чтоб обвалом беспощадным
Мы к врагам слетели жадным
С высоты своей нагорной».*

Когда огоньки приближались, в саклях горных аулов лезгины, узнавшие боевую песню товарищей, выходили на стену и издали кричали:

— Да благословит Аллах ваше дело!

— Да даст Магомет вам победу!

— Пусть погибнут русские от вашего приближения, как хлебные черви от ранней зимы.

Таким образом джигиты подъезжали к снеговым шапкам трёхглавого Чарах-Дага, сиявшим теперь под луною, точно окованные матовым серебром венцы сказочного великана; около курились туманы, но месяц и их заколдовал совсем, и они казались венчальною фатою, раскинутою Чарах-Дагом над невестой, покоившейся в его глубокой долине. Где-то послышалось словно рыдание в воздухе, и тень от больших крыльев проплыла над всадниками. Тут ущелье расширялось, местная Койсу разлилась пятью рукавами и свер-

ху вся была видна, как серебряный узор по чёрному шёлку. Рёв воды доносился к всадникам, и, доехав сюда, кабардинский князь круто остановил коня.

За пятью рукавами Чарах-Дагского Койсу, точно из чьей-то горсти, были рассыпаны огни большого аула. Ещё несколько огней тускло мигало с отвесов горы. Когда партия джигитов остановилась, передовые заметили, что через рукава реки тоже перебираются всадники навстречу. Река тут по широкой и ровной долине неслась ровно и тихо. Кругом стояло мёртвое безмолвие горской ночи, так что, когда сверху из-под копыт коня летел камень вниз в долину, он своим лёгким шумом наполнял тишину засыпающей природы.

— Это они? — спросил кабардинский князь у Джансеида.

— Да, — тихо ответил тот.

Здесь с ним совершилось что-то странное.

Молодой лезгин был встревожен. Он опасно оглядывался по сторонам, точно ожидая врага невзначай или удара издали. Значок он передал Селиму, а сам старался оставаться незамеченным.

— Ты думаешь, — он с ними?

— Да, думаю! Не посмеет. Здесь ведь все наши, а ихних мало.

— Между вами давно кровь?

— Три поколения.

— Чья последняя?

— Ихняя. Мой отец вот в том ущелье убил Мамад-Оглы.

— Давно это случилось?

— Семь лет назад.

Кабардинский князь задумался.

— Джансеид! Ты знаешь хорошо Хаджи Ибраима?

— Да, ещё бы! Едва ноги унёс от него в прошлом году. На охоте невзначай встретил его, их было четверо! — точно в извинение себе прибавил он.

— Он первый джигит на Чарах-Даге. Он уже дал себя знать русским. Не будь он мне враг, лучшего старшего брата я бы и не желал. Хорошо бы его к нашей партии присоединить!

— Тогда я должен буду уехать, вернуться!

— Ты мне кунак и друг. Мы придумаем другое. Сегодня ночью, когда все заснут, —

пусть Селим с нами поедет.

— Что ты хочешь делать?

Кабардинец нахмурился.

— У вас, у лезгин — старые обычаи, но глупые. Разве можно спрашивать у вождя, что он задумал? Моё дело — приказывать, ваше — повиноваться. Отруби у змеи голову, — хвост тоже пропадёт. В своё время сам скажу!

Партия Чарах-Дагского аула уж переплыла Койсу. Теперь можно было сверху сосчитать двадцать семь человек быстро подвигавшихся вперёд. Сначала тихо-тихо, — а потом всё громче, по мере того, как расстояние между ними и ожидавшими на высоте салтинцами укорачивалось, раздавался оттуда гимн газавата. Скоро до кабардинского князя донеслись уже торжественные слова этой песни:

*«Помогите, помогите,
О, святые, к вам взываем!
Магомета вы молитесь, —
Без него мы погибаем,
Нет у нас иной защиты,
Нет заступника иного,
Без него мы все разбиты,
С ним сразим врага любого».*

Приближавшиеся давали таким образом знать ожидавшим, что они тоже обрекли себя газавату. Раз услышав напев военного гимна, большая партия должна была принять меньшую, как братьев и соаульников. Отныне чарахдагцы вступали в число салтинцев на равных с ними правах, обязывались друг друга защищать и умирать друг за друга. Если бы чарахдагский джигит оставил тело убитого салтинца в руках врагов, — всему чарахдагскому аулу был бы вечный стыд, если бы салтинец не попытался выручить чарахдагца из плена, чарахдагцы несколько поколений корили бы салтинцев их позором и те должны были бы молчать.

Когда, наконец, чарахдагцы были уже близко, их припев подхватили салтинцы:

*«Дверь победы растворяя
Для рабов твоих покорных, —
О, пророк! В утехах рая
Не забудь аулов горных.
Наша кровь рекой прольётся,
Но за муки и страданья
Тем сторицею воздаётся,
Кто томится в ожидании!»*

звучало уже вместе, как вверху, так и внизу.

Когда гимн газавата замер, — вдали, там, откуда светились огни Чарахдага, — послышалась трескотня выстрелов и мечеть вся осветилась вплоть до верхушки минарета. Таким образом, оттуда давали знать, что соаульники празднуют встречу и братание по оружию двух партий.

Тем не менее, надо было исполнить обряд. Поэтому кабардинский князь выхватил из чехла ружьё и, держа его на прицеле, помчался вперёд. На встречу, тоже держа дуло наготове, стрелою вынесся стройный молодой чарахдагец. Оба встретились шагах в пяти один от другого и разом остановили коней, так что у тех только судорогой повело нервную кожу.

— Кто ты? — спросил его князь.

— Скажи сначала своё имя: нас мало, вас много.

— Я - князь Хатхуа, — слуга пророка, посвятивший душу свою богу, жизнь — газавату.

— Я Сулейман из рода Асталор. Моя душа тоже в руках Аллаха, а рука да послужит святому делу.

После этого, оба забросили ружья за спину, но ещё не сближались.

— Чего вы ищите, храбрые люди, на этой дороге?

— Добрых товарищей для своего боевого дела! — ответил Сулейман.

— С кем собираетесь драться?

— Один у нас враг кровный — урус.

— Да будет благословен ваш приход!

— Да даст нам Аллах победу!

Всадники съехались, стали рядом — чарахдагец лицом к салтинцам, князь — лицом к чарахдагцам.

— Ля-илляги-иль-Алла! — ритмически-согласно крикнули они и крепко обнялись, не слезая с седла.

Вслед за этим Сулейман Асталор поехал к салтинцам и, круто обернув коня, занял место князя; князь также двинулся к чарахдагцам и стал во главе их. Тотчас же обе партии выхватили ружья и послали выстрелы в тёмное, усеянное звёздами небо. Троекратно пропев «селям», и «алляги-аллага», — обе партии стали съезжаться. Съехались, смешались. Князь удержал коня рядом с Сулейманом и спросил

его по обычаю:

— Не хочешь ли быть нашим вождём?

— Имя Хатхуа слишком славно в горах, чтобы я, ничтожный червь, осмелился показаться в битве впереди его. Клянусь Аллахом и святым его пророком быть с этой минуты верным слугою твоим. Клянусь за тебя и за своих чарахдагцев. Да будет вечный стыд не исполнившему эту клятву. Да пошлёт Магомет коршунов рвать их тело, да сбросит Аллах его чёрную душу в ад. Да покраснеет его мать при одном имени сына-изменника, и закроет лицо его брат. Князь, отныне мы — твои рабы.

— Слушай, Сулейман, и все вы храбрые чарахдагцы! У нас нет рабов. Здесь только вождь и его воины. Клянусь — быть тебе старшим братом и другом, да паду я от руки женщины, да побелеют мои кости на выгоне у русских, да проклянёт Аллах мою память, если окажу вам несправедливость, клянусь умереть за вас.

Теперь Сулейман отступил и замешался в толпу.

Кабардинский князь вынесся вперёд и

крикнул:

— Селим! Ставь значок здесь.

Значок был живо вбит в землю. Хатхуа снял ружьё и положил около. Сошёл с коня и расседлал его. Окончив это, он обратился к партии:

— Братья! Да пошлёт вам Аллах спокойный сон, да укрепит этот сон ваши руки и души...

Ночлег был таким образом объявлен и указан.

Как раз в это время из Чарахдагского минарета последними слабыми своими отзвуками донёсся призыв к ночному намазу. Голос тамошнего муллы замер, когда все джигиты вынули коврики и встали на молитву.

Яссы-намаз, как и сабах-намаз — самые святые, и кто их исполнит, тому нечего бояться шайтана и сорока семи болезней — его сестьёр.

Яссы-намаз — последний ночной намаз, сабах — утренний. Днём можно пропустить все намазы, но этих ни один право верный не забудет. Они для него обязательны, как омовение. Джигиты на своих намазлыках [1]

обернулись лицом к Мекке (Кабе) и, делая вид, что они омывают руки, ноги, лицо и голову, тихо шептали молитву. В тишине окружавшей их ночи фыркали кони, силуэты которых смутно выделялись в сумраке, да из ближайшего ущелья доносился свист ветра, проснувшегося к ночи и гнавшего перед собою целую волну чудных благоуханий.

Мусульманину, отправляющемуся в газават или на поклонение гробу Магомета, намазы не обязательны. Он совершает сафар-халаль — богоугодное дело, и всё время, проведённое в нём, считается у него за намаз... Но сегодня ещё лезгины должны были молиться; с завтрашнего дня намазы отменялись.

Примечания

МОЛИТВЕННЫЕ КОВРИКИ

[^^^]